

Александра

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Прядухин

Михаил Прядухин
Александра

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Прядухин М. Л.

Александра / М. Л. Прядухин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Книга рассказывает о простой девушке рожденной во время Великой Отечественной войны. О ее нелегком детстве в отдаленной Сибирской деревне, о её первых и последующих шагах взрослой жизни. О том, как ей совсем непросто было в жизни, и о настоящей, материнской любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава I	5
Глава III	17
Глава IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Прядухин

Александра

Глава I

В начальных классах школы Сергей сильно комплексовал из-за своей фамилии, хотя она, в принципе, звучала довольно благозвучно. Конечно, не Орлов или, там, Князев, но все равно, согласитесь, что Пожидаев – вполне себе нормально звучит. Но его детские комплексы на этом не закончились – ему еще не нравилось собственное имя. И тут тоже вроде ничего себе имя, уж точно не хуже, чем, к примеру, Павел.

Но если с фамилией он только комплексовал, то с именем все обстояло немного иначе. Сергей все сокрушался о том, что его не называли, как первоначально хотели, – Станиславом. И еще он часто мечтал, что зовут его не Сергей, а Александр. Уж очень классное было это имя. Ведь как было бы здорово, когда соседский парень, подойдя к забору дома, крикнул:

– Саня! Саня! Выходи гулять!

Или учительница, отчитывая его за невыполнение домашнего задания, сказала бы на весь класс:

– Саша, почему ты опять не сделал уроки?

Каков эффект от этого прозвучавшего «Саша», а? Однозначно, это не какой-нибудь «Сережа», и даже не «Станислав». Это серьезное имя, с ним не страшно и в новую компанию шпаны залезть:

– Привет. А это кто с тобой?

– Привет. Да это Саня Зареченский, – и сразу тебе респект и уважуха. (Станица Южанская делилась на территории, и, в соответствии проживания в них, все пацаны делились на Центральных, Вокзальных, Кладбищенских и Зареченских)

Так думал Сергей Пожидаев, с грустным лицом сидя за партой и вырисовывая на ней очередную рожицу. Почему ему нравилось это имя, он не знал, хотя и часто размышлял об этом. Просто по душе, да и все. Мало ли от чего человека тарашит. Вот, например, Толик на задней парте бахает очередной самолетик, чтоб запустить его прямо на уроке, а потом быть удаленным за это дело из класса. И что? Надо обязательно подойти к нему и спросить:

– Что ты, Толян, самолетики лепишь? Почему не ведешь огонь из трубочки по девчонкам? – Ведь никто ж его об этом не спросит. Ну, хочет человек стряпать самолетики, и че? Нравятся они ему. Так и мне, зачем терзать себя этим вопросом? Просто нравится имя Александр, да и все.

Прошли годы, а с ними и комплексы у Сереги, связанные с именем и фамилией. Теперь его уже невозможно было обидеть, как-то неправильно произнося «Пожидаев». Да и к имени он своему привык, и уже не сокрушался, что его не называли Станислав, и уж более не мечтал быть Александром. Но почему-то любовь к этому имени не прошла. Оно по-прежнему нравилось ему в любой вариации: Саша, Саня, Александр, Санек...

Еще прошли годы, и уж седина покрыла его голову, но детская влюбленность в это имя осталась. И вот однажды Сергей, листая фотографии в своем телефоне, наткнулся на одно фото, которое совершенно неожиданно для него открыло многолетнюю тайну: «Почему ему так нравится это имя?» Вернее, не совсем тайну, потому как с тех далеких размышлений по этому поводу в детстве, он, в общем-то, об этом и не думал, просто принял как должное.

Это была фотография могилы его мамы, которую он сделал через год после ее смерти. На гранитном памятнике под ее фото было написано: «Пожидаева Александра Михайловна, 01.01.1942 – 22.03.2016».

«Вот это да, – удивился сам себе Сергей, – а ведь мне никогда в голову не приходило, что мою маму зовут Александра. Нет, конечно, я знал, что ее так зовут, но почему-то никогда не сопоставлял то имя Александр, о котором я мечтал в детстве, с именем моей матери. Как странно. Может потому, что все вокруг ее звали Шура, или Александра Михайловна, или просто Михайловна, и очень редко Санька или Саша. А может потому, что я в детстве делал в своей голове какое-то разделение между Александром и Александрой, думая, что это разные имена? Не знаю. Но, очевидно, мое подсознание знало, что имя, о котором я мечтал, носит моя мать, и, как результат, ничем, как мне казалось, необъяснимая любовь к нему».

* * *

В далекой Сибирской деревне Строгино, когда всюю шла Великая Отечественная война, родилась девочка. Она была пятая по счету, и, уж не знаю почему, назвали ее Александрой. Отца Шуры на фронт не взяли, не из-за того, что семья была многодетная, а просто, хоть он и был довольно молод, но уже весь больной. Время тогда было тяжелое, голодное, и на единственном сохранившемся семейном фото, где был отец Александры, когда еще и сама она не родилась, молодой мужчина выглядел уже стариком. Ненадолго его хватило после рождения Шуры, и он умер задолго до появления Сергея, и тот никогда не видел своего деда.

Но еще раньше Александра лишилась своей матери. Ей было всего два годика, когда она погибла, и, по существу, Шура не знала материнской любви и ласки, впрочем, как и отцовской. Это был довольно необычный и редкий несчастный случай.

Мама Александры вместе с годовалым своим сыном и старшей дочерью Валею пошла в соседнюю деревню. Стерня жидкой пшеницы Сибирского колхозного поля больно впивалась в ступни Анны (так звали бабушку Сергея). Может, из-за того, что она уже давно не ходила босиком по жнивью, так мучительно жалили ее пятки остатки скошенной пшеницы, а может из-за того, что на руках у нее был годовалый малыш, а на плечах висела корзина, до краев наполненная лесной смородиной. Конечно, можно было бы пойти и по дороге, тогда бы стерня так больно не врезалась в ее пятки, но это большой крюк. Еще неизвестно, что лучше: терпеть боль или тащить лишние пару километров эту огромную корзину с ягодой. Да и Валентина уже очень устала тащить свое лукошко.

Анна шла в соседнюю деревню, чтоб попытаться выменять смородину на хлеб или, на край делов, картофель. То ли от председателя тамошнего колхоза, который не весь подчистую урожай вывозил в район, то ли от того, что земли там были не такие скудные, крестьяне той деревни были более зажиточны. Как бы там ни было, но это был единственный вариант раздобыть немного хлеба или картошки.

Пока шли по полю, заморосил дождь, и Анна решила переждать его, спрятавшись в стогу соломы тем более, что малыш на ее руках начал уже капризничать – его пора было кормить.

– Валя, – меняя направление в сторону одиноко стоящего стога, сказала она своей дочери, – давай по-быстрому вырою углубление в скирде и переждем дождь, а заодно я покормлю Ваню.

Они довольно быстро сделали нишу в соломе, и, спрятавшись в ней, стали переждать дождь. Но он не собирался заканчиваться и все усиливался и усиливался. Хуже всего было то, что поднялся ветер, который, подхватив холодные струи воды, начал хлестать ими молодую женщину с грудным ребенком на руках и девочку четырнадцати лет.

– Мама! – прокричала Валя сквозь шум и грохот летнего ливня. – Давай я с той стороны скирды выкопаю углубление, а потом тебя позову. А то мы тут совсем промокнем, и Ванечка может заболеть.

– Давай, Валюша, иди, – ответила Анна и зачем-то добавила, – я тебя, доченька, очень люблю.

Валя выскочила из укрытия и, скользя по грязи, в мгновение ока оказалась на другой стороне стога. Стог был небольшой, тогда их скирдовали вручную, в отличие от нынешних,

сделанных современной техникой, и размером с коммунальный двухэтажный дом. Она быстро принялась выдергивать из него мокрую солому. А в это время ливень все накручивал обороты: он непрестанно бил струями холодной воды Валентину, гремел раскатами грома и жестко толкал ее порывами ветра.

Старенькое, простое платьице, из которого девочка давно выросла, облипло вокруг ее детского тела, став совершенно прозрачным, явно показывая, что на ней нет трусиков. Да, в семье, в которой выросла Шура, это было непозволительной роскошью. Только в четырнадцать лет, когда Александра уехала из деревни к сестре, в город, только тогда она начала носить этот необходимый аксессуар женского гардероба.

Углубление было уже почти готово, когда стог озарил яркий всполох, который тут же сопровождал страшный треск, переходящий в оглушительный грохот. Но Валя этого не видела и не слышала. В это мгновение неведомая сила ударила ее так, что она вылетела из укрытия, упав в лужу, собравшуюся возле стога.

Она не знала, что потеряла сознание почти на полчаса от поражения молнией, и когда пришла в себя, то не могла сообразить, что произошло, и как оказалась в луже. Сквозь устойчивый звон в ее ушах ливень грохотал, как ей казалось, уже где-то вдалеке, но обрушивающиеся с неба глыбы воды и разметаемые по полю листья вместе с соломой говорили об обратном.

Какое -то время Валя лежала в покрытой множеством пузырей и фонтанчиков луже, пытаясь осмыслить произошедшее. Вдруг в этом устойчивом звоне и шуме еле-еле различимо появился детский плач. «Ваня! – промелькнуло у нее в голове, и тут же – мама!»

Она мгновенно вскочила на ноги и бросилась к укрытию, где находилась ее мама с младшим братом. Так же скользя по жидкой грязи, Валя подбежала к ним и тут же застыла на месте, словно этот мощный ливень пригвоздил ее огромной рукой, сотканной из струй воды. Лицо Вали исказил ужас. Ее детскому взору предстала тяжелая картина: Анна держала на руках плачущего Ваню, ее левая грудь была обнажена, т.к. в момент трагедии она кормила ею сына. На груди алел странный знак в виде небольшого красного деревца, глаза ее смотрели прямо перед собой – они были неподвижны и мертвы.

– Мама! Мамочка! – закричала Валя, выходя из оцепенения.

Она почему-то пригнулась, будто уже хотела проникнуть в углубление в стогу, где находились Анна с Ваней, хотя до него было еще метра два. Потом, вытянув свои худенькие ручки, маленькими, неуверенными шажками стала приближаться к погибшей матери. При этом она не плакала – ужас случившегося выдал из ее сознания все чувства кроме испуга. Ей казалось, что происходящее невзапраду, что это какой-то страшный сон, что сейчас она коснется Ванечки, мама оживет, и весь этот кошмар улетучится.

Валя приблизилась к углублению в стогу, стала на колени и потянулась к плачущему брату. Мама смотрела на нее пустыми, холодными глазами, в которых не было жизни. Все это время тело четырнадцатилетней девочки продолжали хлестать холодные струи воды летнего сибирского ливня. Она осторожно взяла Ваню, стараясь не касаться матери, и потянула его на себя. Анна легко рассталась с малышом, все так же смотря перед собой немигающими мертвыми глазами. Чуда не произошло, и этот страшный, безумный сон никак не хотел заканчиваться.

Валя, продолжая стоять на коленях под проливным дождем и смотря как замороженная на погибшую мать, прижала к себе плачущего брата. И в это мгновение он затих. Она перевела свой взгляд на малыша – детское личико застыло. Валентина сразу поняла, что он умер, и осознание этого мгновенно вернуло ее в реальность – страшный, какой-то безумный, сон оказался явью.

А ливень все продолжал грохотать, сверкая молниями и порывами ветра. Продолжал срывать листья с деревьев, а потом гнать их вместе с соломой между струями воды по сильно потемневшему от черных грозových туч полю. В этой полутьме, наполненной разбушевавшейся

стихией, белела точка возле одиноко стоящего стога соломы. Это была Валя, по-прежнему стоящая на коленях и прижимающая к себе своего погибшего брата. Она уже не молчала от испуга, она тихо плакала, качая на руках мертвое дитя, и ее горячие, детские слезы смешивались с холодным струями сибирского ливня...

В тот день Александра лишилась своей матери и своего брата, став самой младшей в семье. Каким-то невысказанным образом молния ударила прямо в грудь Анны, убив ее сразу, а примерно через полчаса от поражения током остановится сердечко у Вани на руках старшей сестры. На тот момент Шура было всего лишь два годика. С того дня Валентина заменит Александру маму, по сути, воспитав ее...

Вскоро отец Шуры привел в дом другую женщину. Не то, чтобы он надеялся, что она заменит его детям мать, нет, просто время было очень трудное, и остаться одному с пятью детьми было смерти подобно. Да и никто тогда об этом не думал: заменит, не заменит, нужно было выживать. Из очень редких и коротких рассказов мамы о своем детстве Сергей так и не понял, хорошая она была хозяйка или нет. Но он четко понял, что не зря в народном фольклоре мачеха всегда изображается в свете злой женщины, ненавидящей детей мужа.

Хотя, казалось бы, мачеха вышла замуж за отца Александры, когда той едва исполнилось два года. Что мешает любить дитя, которое даже не понимает, что она чужая тетя, тем более что у Феклы (так звали мачеху) не было своих детей? Но нет, она, мягко говоря, не любила Шуру, и остальных детей тоже, да и к новому своему мужу (она была вдова) особых чувств не испытывала. Инстинкт самосохранения толкнул ее в объятия Михаила (так звали отца Александры), т.к. ей одной тоже выжить было весьма сложно в то голодное время. Харчами ей не приходилось перебирать, мужиков-то в деревне осталось – раз, два и обчелся – все были либо на войне, либо уже погибли к тому времени. Поэтому и пошла замуж за Михаила, у которого вместо свадебного подарка – семеро по лавкам.

– Шурка, давай собирайся! – вбежав в избу, выкрикнула Валя. – Клава! Маша! (это старшие сестры Александры, был еще брат – Владимир) Вы тоже. Председатель колхоза разрешил собирать оставшуюся картошку на поле, которое у реки. Давайте быстрее, а то сейчас там будет полдеревни, и нам, как обычно, ничего не достанется.

Шура спрыгнула с лавки, подбежала к русской печи и засунула за нее свою тряпичную куклу, которую ей сшила Валентина. Она сделала это так ловко, что никто и не заметил, да и укромное место за печкой было такое, что никому в голову не придёт там искать куклу.

Шура очень любила Марусю (так она назвала куклу), хотя других-то у нее и не было, а противная Машка всегда норовила ее отобрать. Она была на два года старше, а значит, сильнее, и часто, когда дома не было Вали или Клавы, отбирала ее у Александры. Поэтому Шура, когда некому за нее было заступиться, прятала свое сокровище, и не играла сама с куклой, но и этой противной Машке не давала. Это уже выработалось у нее в привычку, и кукла не могла так просто лежать где-нибудь на столе или еще где-то. Либо Александра с ней играла, либо она была в укромном месте.

«Ну а как по-другому? – думала Шура, засовывая свое сокровище. – У Машки, значит, целых две тряпичных куклы, да еще и три деревянных чашечки для них, и даже есть одна маленькая ложечка, которые сделал папка. А она, значит, и мою куклу хочет заграбастать. Плохо не станет? Перебьется. Шиш ей, а не Марусю».

В свои семь лет Александра была уже не по-детски мысленная в жизненных вопросах, потому как по-другому в то время было нельзя. Но не только в бытовых делах Шура проявляла смекалку и сообразительность, она, как оказалось, все хватала на лету в школе. И за этот неполный, первый месяц учебы, сильно удивляла учителей своими способностями.

Быстро надев старенький шушун, доставшийся ей по наследству от Машки, и так же быстро влетев в выдавшие виды ботинки, тоже бывшие Машкины, Шура схватила корзину и встала наизготовку возле двери. Она в свои семь лет была еще очень мала ростом, и корзина

ей была чуть ли не по пояс. Сестры не заставили себя долго ждать, и, перехватив инициативу на правах самой старшей сестры, Клава скомандовала:

– Вперед!

Они все выбежали на улицу, и, что-то крича друг другу, побежали в сторону колхозного картофельного поля. В конце сентября в далекой сибирской деревне было относительно тепло, хотя еще два дня назад выпадал снег, и были уже серьезные заморозки. По каким-то причинам, небольшую часть картофеля, вывороченного на поверхность трактором из соседнего колхоза, не успели собрать. И ночной холод сделал свое дело – урожай померз. Сдавать в район мороженный картофель председатель не решился, но и отдать его колхозникам – тоже (еще пришьют почетное звание «Вредитель»). Поэтому несобранные корнеплоды пролежали на поле почти три недели.

Без разрешения собирать их, конечно, никто не отважился – это грозило по указу «семь-восемь» уехать лет так на десять в лагеря. И часто мужики, возвращаясь с отработанного в колхозе трудодня, проходя мимо этого поля, и смотря на гниющий урожай, почёсывая затылки, про себя кричали:

– Эх, вашу ж мать!

Голодно, очень голодно жила деревня Строгино. Нищий колхоз уж который год подряд никак не мог вылезти из должников перед государством, и его замордовали новыми обязательствами по сдаче зерна, овощей, мяса, птицы, молока... а над председателем уж давно повис дамоклов меч. Крестьяне тоже были от безысходности: все эти трудодни, когда они были вынуждены по сто пятьдесят дней в году пахать в колхозе за здорово живешь; все эти натурально-продуктовые повинности, где налогом облагались даже цыплята; все эти денежные повинности, которые рассчитывались с заведомо завышенных в несколько раз доходов крестьянина, привели к тому, что жители деревни были ограблены советской властью до нитки.

Сбежать было оттуда тоже практически невозможно – ни у кого не было паспортов. Вернее, их выдавали только отдельным лицам и по особым случаям. А без паспорта ты нигде, ни в каком городе не устроишься на работу и не пропишешься. Ну, а если поймают без прописки, да еще к тому ж и тунядец, то тебе несдобровать. Так что, по существу, жители деревни Строгино в далеком 1949 году были крепостными крестьянами.

Два последних дня была оттепель, и по дороге сестрам попадались то большие лужи, то островки растаявшего снега. Кроме этих «следов» прорвавшегося сквозь тайгу уходящего лета, по дороге еще встречались такие же девчонки и мальчишки, спешащие с такими же корзинами к гниющему урожаю.

Когда они подбежали к картофельному полю, то на нем уже вовсю шла заготовка корнеплодов: куда ни глянь, везде были люди. Кто бежал с корзиной, кто ползал на четвереньках, выковыривая из грязи остатки урожая, кто что-то надсадно кричал, махая руками. Сестры бросились враспынную по полю – нужно было успеть собрать как можно больше полусгнившей картошки.

Шура сразу сильно увязла на перепаханном поле. Скучная сибирская земля, обильно смоченная растаявшим снегом, все время норовила засосать ее худенькие ножки. С трудом выдергивая их, она через несколько минут набрела на небольшую кучку картофеля, спрятавшегося в клочке растаявшего снега. Александра принялась разгребать белое мокрое месиво и доставать из него драгоценные корнеплоды. Почти все они были мягкими после того, как оттаяли, а некоторые прямо лопались в покрасневших от холода руках Шуры. Она на некоторое время переставала рыться в белой жиже, подносила сильно озябшие руки к лицу, усиленно дышала на них широко открытым ртом, а потом вновь принималась «за сбор урожая».

Довольно быстро наполнив корзину, которая стала теперь неподъемной, Александра крикнула своей сестре, копошившейся в коричневой жиже неподалеку:

– Клава! У меня уже полное лукошко!

– Давай, тащи его домой! И мигом обратно! – отозвалась та и принялась вновь ковыряться в грязи.

Шура, еще сильнее увязая в размокшей земле и еле удерживая двумя руками перед собой корзину, наполненную гнилой картошкой, начала пробираться к дороге. Она постоянно падала вместе со своей ношей в разбухшее и чавкающее поле, потом подымалась, собирала рассыпавшуюся картошку и вновь продолжала путь.

С большим трудом выйдя на дорогу, вся перепачканная в грязи, она заплакала. Это не были слезы радости из-за того, что все же ей удалось вырваться из лап перепаханного, непролазного поля, просто она представила, что это огромное, тяжеленое лукошко ей придется тащить почти километр.

Одной ручкой ей было не удержать свою ношу, единственный вариант – это тащить ее перед собой двумя руками. Ничего другого не оставалось: сестры где-то растворились, смешались с людьми на поле, да и Клава сказала, чтоб быстрее несла картоху домой. А послушаться самую старшую сестру – это вам не шутки. Она не будет церемониться, так жиганет хворостиной, что не забалуешься. И Александра, утерев слезы, пошла.

Буквально через сто шагов, у нее уже занемела спина, а руки затекли так, что она их перестала чувствовать. Шура остановилась, опустила лукошко на землю, и оглянулась на поле. Ей показалось, что она ни на шаг не отошла, и слезы отчаянья градом хлынули у нее из глаз. Проплакав несколько минут, и почему-то виня во всем Машку, Александра вновь принялась тащить непосильную свою ношу. Теперь уже еехватило на семьдесят шагов, которые она прошла, не переставая рыдать. Она вновь остановилась, уже не поставила, а отпустила корзину. Она упала на ребро, и перевернулось. Не переставая плакать, Шура взмолилась:

– Мама! Мамочка! Где же ты!?! Помоги мне, пожалуйста! Мне так тяжело, так плохо, а эта Машка у меня Марусю все время забирает. Вернись ко мне. Я совсем, совсем одна. Никто меня не любит, все меня обижают. Вернись, мамочка, ну, пожалуйста...

В свои семь лет Александра уж давно знала, что ее мама погибла, и что женщина, живущая с ее отцом – мачеха. И в ее детской головке безвременно ушедшая мать всегда была тем островком, где она могла всегда укрыться, когда ее обижали. Она могла всегда пожаловаться ей и на Машку, и на Клаву, и на брата Вовку, и на мачеху, и даже на отца. Она могла рассказать, как ей голодно, как постоянно хочется кушать. Рассказать, что никто ее не любит, только Валька, но ее вечно нету дома, вечно она у этих Жигулевых (зажиточная семья в деревне) нянчит их детей...

Рассказав своей маме всю несправедливость, происходящую с ней, Александра немного успокоилась, собрала полусгнившую картошку в лукошко и продолжила путь. В очередной раз остановившись, Шура поняла, что ей никак не донести эту проклятую корзину. И тут, увидев невдалеке большую лужу, блестящую под лучами осеннего солнца, она поняла, что ей нужно сделать.

«Надо половину картохи высыпать в нее, – подумала Александра, – а потом я ее заберу. Ведь никто не догадается, что она там.»

Подойдя к луже и воровато посмотрев в разные стороны, не видит ли кто, Шура высыпала в нее полкорзины картошки. Та, смачно булькнув, исчезла под слоем грязной воды. Александра взвесила оставшуюся часть, немного подумала и высыпала в лужу всю картошку.

«Зачем нести пол лукошка домой? – резонно решила она. – Ведь можно же здесь спрятать целую подводку. Так же быстрее будет, а потом, когда все разойдутся, можно будет ее перетаскать», – и, заулыбавшись этой своей находчивости, Шура с пустой корзиной побежала к сестрам.

Четыре ходки сделала Александра к луже. Пятую корзину, правда не очень полную, уже помогала нести ей Валя. Александра никому не сказала свой секрет, а в общей куче, сваленной в доме, в сенах, никто и не понял, что Шурка свою картоху не донесла.

А вечером были драники из полугнилой картошки. Мачеха по такому случаю даже купила немного сметаны у Жигулевых. Такого пира Александра не помнила давно, казалось, что этими драниками невозможно наестся. Уж очень они были вкусны, ей казалось, что на свете ну просто не может быть ничего лучше.

Столько лет прошло, а мать Сергея помнила, как сейчас тот «пир». В том сером, голодном, безрадостном, очень тяжелом мире, даже несколько корзин полугнилой, мороженой картошки, могли быть лучом света. И этот «свет» остался на всю жизнь в сердце Александры.

А ночью повалил снегопад, который к утру уже дышал сибирским морозом. Этот снег уже не растает до самого мая, и под ним навечно будут похоронены те четыре корзины картошки. А вместе с ними слезы, отчаянье, боль и все невероятные усилия маленькой девочки Шуры.

Глава II

– Александра Михайловна, наверное, больше не приводите Сергея в садик. Просто невозможно его успокоить после того, как вы уходите. Он такие тут истерики закатывает, ну просто нету сил. Сегодня только в три часа дня мы его еле-еле утихомирили, – довольно нервно, с претензией, говорила воспитательница детского сада.

– Позвольте, а куда ж я его дену? Мне работать надо. Я ж не могу его с собой в столовую забрать. Так что вы меня извините, но у меня другого выхода нет. А дома я поговорю с Сережей.

– В который раз вы с ним уже говорите. Его хватает ровно на день, а потом все заново. Вот другой ваш сын, Ярослав, с ним вообще проблем нету, а этот... Уж вы с ним решите этот вопрос раз и навсегда: либо он прекращает свои истерики, когда вы уходите, либо не ходит в детский садик.

Как всегда, разговор был коротким: снимались штаны с любителя истерить, брался ремень, и им окучивалось то место, на котором сидят люди. Во время этого «разговора» Сергей клялся, что оставит раз и навсегда эту самую свою истерику. Что он все понял, и что дополнительные удары ремнем ничего уже не изменят. Что он принял в свои пять лет раз и навсегда твердое решение в этом вопросе, и его слезы градом тому порука.

Но на следующий раз или, может, через раз, по приходу в детский садик Сергей с твердо принятым для себя решением сохранял безмятежное спокойствие лишь до тех пор, пока в его поле зрения была мама. Но только стоило ей исчезнуть, как моментально включалась сирена, и воспитатели, кляня в душе эту Александру Михайловну с ее выродком, принимались успокаивать его. А она, Александра, слыша начинающийся вой, и поймав в сердце от него острую, режущую боль, ускоряла шаг, спеша на работу, на которую уже и так опаздывала.

Дело в том, что Сергей в детстве любил свою мать до беспамятства, и когда в его формирующийся разум залетала информация, что ее рядом нет, он начинал заваруху местного, детсадовского масштаба, которая могла длиться часами. И единственное, что могло успокоить Сергея – это вновь появление в поле зрения его матери.

С другой стороны, Серега вместе со своим братом боялся ее, потому как она с ними особо не сюсюкалась, не те времена были, да и воспитание у нее было несколько другое, чтоб миндальничать. Так что дома их особо никто не баловал. Не зная родительской любви, мать считала излишним все эти телячьи нежности и воспитывала своих сыновей, как она говорила: «В духе преданности.»

Серега, в общем-то, был спокойный, послушный мальчик и не доставлял особых хлопот воспитателям. Достаточно было немного прикрикнуть на него, как он сразу слушался. Но стоило ему понять, что мамы рядом нет, его как будто подменяли, и уже никто не мог с ним сладить. И он ничего не мог с собой поделать: даже зная, что за свою очередную истерику дома ему нормально влетит, тем не менее, как только исчезала мать из его поля зрения, включал сирену на всю мощь.

А может это страстное, даже немного нездоровое желание всегда находиться рядом с мамой, как-то подсознательно, на генетическом уровне передалось Сергею от Александры? Ведь, по сути дела, она потеряла свою мать даже не в два годика, а с самого своего рождения...

* * *

В общем-то, семья – Костьевых (девичья фамилия Александры) перебралась в Сибирь относительно незадолго до ее появления на свет. Только она и Маша родились в деревне Строгино, а остальные сестры и брат, были уроженцы Рязанской области. За лучшей долей сорвался отец Саши с насиженного места. Вообще, миграция населения в те времена была обычным делом – нужда гнала людей в поисках хороших земель, работы, зарплаты... И очень часто, наслушавшись от какого-нибудь заезжего «благовестника» о «молочных реках и кисельных берегах», переселенцы оказывались у разбитого корыта.

Так и семья Костьевых, проехав три с половиной тысячи километров, что весьма далеко по тем временам и потратив на эту дорогу почти целый месяц, поменяла шило на мыло. В Новосибирской области, в деревне Строгино Кольванского района оказался такой же замызганный колхоз, такие же кабальные условия труда, те же скудные земли и та же нищета, что и в Рязани. Только ко всему этому еще добавилась длинная, не знающая жалости ни к чему живому, суровая, сибирская зима да непролазная тайга.

Вспоминая многократно «добрым» словом того «благовестника», по чьим увещаниям семья Костьевых оказалась в Сибири, они принялись обустроиваться на новом месте. Возвращаться обратно в Рязанскую область не было смысла, а для того, чтоб сделать еще одну попытку в поисках лучшей жизни, уже не было ни сил, ни денег. На те крохи, что остались после дороги, ели удалось купить почерневший и покосившийся от времени небольшой сруб на окраине да коровенку. Отец Саши сразу устроился работать в колхозе конюхом, а мать тут же пошла в прислуги в соседнюю деревню – Сидоровку. Так, в этой ежедневной сутолоке и кутерьме в поисках хлеба насущного на новом месте, что тогда называлось жизнью, незаметно, в небольшом почерневшем от времени срубе на окраине деревни, появились на свет вначале Маша, а через два года Александра...

– Клава! Валя! – крикнула Анна, – заберите у меня Шурку, мне уже бежать надо в Сидоровку. – Ну, быстрее же! – и, оторвав от своей тощей груди Сашу и положив ее прямо на лавку, она принялась заворачивать в платок небольшой кусок ржаного хлеба.

Александра, оторванная от материнской груди, сразу запищала, и, скорей на этот плач, чем на окрики Анны, прибежала с улицы Валентина и тут же принялась успокаивать ее. Но та не хотела униматься и, высунув ручки из сильно застиранных серо-белых пеленок, все ловила невидимую грудь и, не ощутив ими материнского тепла, продолжала кричать. Валя подхватила Сашу на руки и, раскачивая ее, начала что-то ей заунывно напевать.

Анна, смотря на все это, болезненно поморщилась и в сердцах подумала: «Боже! Ну, когда же Зорька отелится (так звали молодую корову), чтоб хоть немного молока Шурке давать. Два раза в день кормить грудью – это, конечно же, недостаточно, но что делать. Ведь сейчас ей тащиться в эту Сидоровку, чтобы мыть, стирать, убирать, шить, готовить, чистить... до самой ночи, а потом, не чувствуя рук и ног, приползти домой. И этими отяжелевшими за день руками, ставшими непослушными, словно плети, брать Шурку на руки и кормить грудью.

Каждый раз это вечернее кормление Саши было маленьким испытанием для Анны: она, как всегда, была смертельно усталая и ничего не хотела от этой жизни, кроме сна. В этом кормлении не было ничего сокровенного. Не было того таинства, когда мать делится со своим малышом посредством молока не только калориями, белками, жирами, витаминами, но частью своей души. Не было той интимной, глубокой связи, которая на самом деле так же необходима ребенку, как все эти белки с жирами. Просто была чистая механика, и очень часто, как только Александра касалась своими губами груди Анны, та уже спала мертвецким сном.

В те редкие минуты, когда мать весело что-то говорила своей Шурочке, что-то напевала, смелась и умилялась, глаза у совсем еще крохотной девочки светились каким-то невероятно чистым светом. Смотря в них, казалось, что эти две голубые горошинки плавают в бездонном океане счастья. Но эти светлые минуты были редки, потом наступала суровая правда крестьянской жизни, и бездонный океан счастья весь выливался через детские слезы. И на место выплаканного океана любви и радости немедленно приползал страх. Страх, что может такое уже не повторится никогда, что мама больше не расцелует свою девочку, не засмеется, весело глядя ей в личико, не станет с ней кружиться по избе...

Усилием воли Анна выкинула из сердца тяжелую картину, в которой ее полугодовалая дочь плачет от голода, от отсутствия материнского тепла, и довольно жестко сказала Валентине:

– Сделай жвачку для Шуры и покорми Машу щами, что остались со вчерашнего дня. Если тоже будет плакать, то и ей сделай жвачку. – С этими словами она сунула краюху черного хлеба себе в пазуху и исчезла за дверью.

Валя взяла кусочек застиранной, серой тряпицы, пожевала черный хлеб и выплюнула его на нее. Потом свернула ее так, что получилось нечто похожее на соску, которую она немедленно вставила в ротик Александры. Та вначале выплюнула его и продолжила кричать, но на второй раз, когда черный хлеб пропитался сквозь тряпицу, Саша не стала противиться жвачке, и кислотоватый вкус ржаного хлеба рефлекторно вызвал у малышки сосательные движения ртом. Она перестала плакать, моргнула глазками, выталкивая последние капли слез и совершенно по-взрослому посмотрела на свою старшую сестру.

Кто знает, может, каким-то шестым чувством, которое с взрослением утрачивается у нас, она в свои полгода уже понимала, что в один из дней ее мама уже никогда не вернется и уж более не приласкает свою Шурочку. Что ее ждет безрадостное, голодное детство, где ее никто не будет любить, кроме Вали. Кто знает, может, этот самый страх, который так часто наполнял глазки Александры после ухода Анны, как-то генетически залез в сердце Сереги. И эта его паника, когда рядом нет его мамы, – всего лишь отголоски тяжелого, безрадостного детства маленькой девочки Шуры...

Вообще то, семья Костьевых не одна перебралась в Сибирь, с ними поехала сестра отца Александры – Марина. Их родители умерли совсем молодыми, и, кроме Михаила, из родных у нее не было никого на белом свете. Терять ей тоже было нечего – мужа убили в пьяной драке, а крохотная комнатка в заводском общежитии особо не держала ее, т.к. пьяные дебоши работяг да крики женщин сильно пугали ее годовалого малыша Анатолия. Так что на первых порах, вернее, почти четыре года, Марина с сыном жила в доме Александры.

У Анны тоже родители ушли из жизни слишком рано, такое тогда было время, люди жили мало: тяжелый ежедневный труд, скудное питание, антисанитария и, по сути, отсутствие медицинской помощи, делали свое дело в этом смысле. Так что Саша не знала ни бабушки, ни дедушки ни с той, ни с другой стороны – они остались в далекой Рязанской сырой земле навсегда.

Скудное питание еще более усугубилось с момента гибели Анны, и те редкие минуты материнской любви исчезли навеки из жизни Саши. Она, по большому счету, в свои два годика была предоставлена сама себе: мачеха ее в упор не видела; отец днями напролёт пропадал на работе, а когда возвращался, то ему было не до Шуры – везде в хозяйстве нужны были руки; Клава и Валя к этому времени ушли в прислуги; брат, Владимир, был уже подростком, и в его ментальности формирующегося мужчины младшая сестра просто не существовала; а Маше самой было всего четыре. Так что маленькую Александру не то, что некому было приласкать, сказать доброе слово, но и покормить-то было некому.

Кто знает, если б не старшая сестра Валя, может, Саша и не выкарабкалась бы. Ведь все же она в те немногие часы, когда была дома, возилась с ней. Но Валя тоже, в сущности, была ребенком и, как понимала, так и воспитывала Шуру. Может, поэтому та научилась ходить

только в три годика, а может, это было следствием скудного питания. Может поэтому, когда ей было уже четыре, она с трудом начала произносить первые слова... Кто знает, но бесспорно одно – Александра всегда считала, что всем обязана Валентине и считала ее своей второй матерью.

Как только Саше исполнилось пять лет, она еще толком и разговаривать-то не умела, ее отправили пасти колхозных коз. С рассветом ее подымали, давали краюху черного хлеба и отправляли вместе с Машей на поле, где их уже ждал пастух. Там, передав под опеку двух маленьких девочек коз, он шел далее, ведя основное стадо коров. В память маленькой Александры врезалось, как он поминутно щелкал бичом, постоянно свистел на все лады и, конечно же, по-черному матерился на черно-белых буренок. Смысл этих странных слов, которые с таким надрывом выскакивали из горла уже пожилого мужчины, был непонятен Саше, но она как-то нутром чувствовала, что это нехорошие слова, и поэтому даже не пыталась разузнать у Машки их значение. Более того, ей не нравились эти неизвестные слова, и эту нелюбовь к ним она пронесла с собой всю жизнь и никогда не материлась. А вот щелканье бичом ей нравилось, и у нее была мечта о том, что когда она вырастет, то непременно вот так научится залихватски махать им над головой и в конце этого завораживающего действия издавать звук, напоминающий выстрел.

Еще она мечтала, как однажды станет сильнее Машки, и как следует поколотит ее за все то, что от нее претерпела. Ведь Валька-то редко рядом, и хитрая Машка, как всегда, когда ее нет, пользуясь своим преимуществом в силе, то чугунки заставит чистить вместо себя, то полы мести, то трепать лен, то наматывать нитки на цевки... В общем, она давно заслужила, чтоб получить хорошую взбучку, и в один прекрасный день, когда та опять начнет ее заставлять что-то делать вместо себя, то получит таких тумачков, таких... А вот каких, Саша как-то не додумывала, но знала точно, что непременно получит.

Но главная ее мечта была о том, чтоб она могла всегда досыта поесть, когда захочет. Чтоб всегда на столе стоял чугунок с варёной картохой или щами. Чтоб она могла навалить себе в тарелку сколько душе угодно еще дымящихся светло-желтых корнеплодов, полить их постным маслом, посыпать солью... Да так бухнуть масла, чтоб аж каждая картошечка покрылась ароматной светло-коричневой пленкой. Да соли тоже, ну, прям целую бы горсть высыпать в тарелку. А еще бы зеленого лучка бы побольше... Очень вкусно все это... ела бы и ела. А Машке – фигушки, пусть смотрит и облизывается или вон лучше пусть избу метет, пока я ем...

Как обычно, две сестры пасли стадо коз возле небольшой речушки Вяльчихи. В этом месте река делала крутой поворот и, хоть с виду спокойная, она вымыла на этой части довольно высокий, метров пятнадцать, отвесный обрыв. Летом она отступала от него и между водой и отвесной стеной, состоящей из песка, смешанного с темно-серой землей, было шагов десять.

Маша лежала под деревом в тени и вяло наблюдала за тем, как Шурка бегаёт по полю, сгоняя коз в одну большую кучу. Те не хотели слушаться и упорно разбегались в разные стороны. Она, обычным в таких случаях командирским голосом, покрикивала на Сашу, уча уму разуму непутевую младшую сестру. В какой-то момент стадо подошло к обрыву, и в этой суматохе Александра пропала из виду.

«Вот блин, куда она подевалась?» – задала себе вопрос Маша и стала медленно подыматься на ноги, чтоб увеличить поле зрения. И в этот миг раздался крик:

– Ааааа! – а потом тишина, лишь только неспешное бляенье коз да шелест полусухой травы...

У Маши все похолодело внутри от этого крика. Она молнией вскочила и во все глаза стала всматриваться в разбегающееся во все стороны стадо – Сашки нигде не было. Тогда она со всех ног бросилась к козам, крича не своим голосом:

– Шура! Шура! Шурка! – Но ответом ей была тишина...

Маша стала метаться по всему стаду, все так же выкрикивая имя младшей сестры, но через пару минут к этому крику добавился еще и ее детский плач, а еще через пять минут она уже просто рыдала:

– Шуурааааа... ааааа... Шуурааааа... ааааа...

Но Александры нигде не было. Мысль о том, что она вернется без сестры, сжимала маленькое сердечко Маши каким-то железным обручем. В ее детском воображении вставал отец с огромным ремнем в руках и начинал нещадно бить ее им. А она начинала подставлять руки, защищая себя от хлестких ударов, но это мало помогало, и жгучие, нестерпимо болезненные удары пронизывали все ее худенькое, детское тело. Так, продолжая плакать именем сестры, она приблизилась к краю обрыва:

– Шуураааа... ааааа... Шуураааа... ааааа..., – и в этот момент она взглянула вниз. Звук «ааааа» застыл у нее в горле, волосы зашевелились на голове, и весь окружающий мир поплыл куда-то в сторону: внизу, под обрывом, раскинув ручки, на спине лежала Александра.

Какое-то время Маша так и стояла, застыв, словно маленький, детский манекен на краю обрыва. Глаза ее расширились до предела и буквально остекленели. Окружающий мир полностью застыл в них, и только какой-то безумный страх горел недобрым, живым огоньком в зрачках... Скорей запищала, чем закричала, Маша, когда увиденная ей картина все же дошла до сознания:

– Шурааа! Шурааа!

Но Александра никак не отреагировала на этот крик. Она все так же продолжала лежать на берегу речки без каких-либо признаков жизни, раскинув ручки. Тогда Маша опрометью, бросилась вниз: слева, метрах в ста, обрыв переходил в уже довольно пологий склон, и по нему можно было спуститься к реке. Не чуя ног неслась Маша к младшей сестре. На склоне она запнулась и кубарем полетела вниз. Она сильно оцарапалась о камни и коряги, пока летела, но этого Маша не почувствовала, в ее сознании было лишь только распростертое тельце младшей сестры на берегу.

Вскочив на ноги, она молнией бросилась к Саше. За считанные секунды Маша преодолела эту «стометровку» и, практически не тормозя, кинулась на младшую сестру. Она обняла ее за шею и стала причитать:

– Шура, Шурочка... Что с тобой, сестренка. Открой глаза... ну, открой, сестренка... Шурочка, ну, пожалуйста, вставай... Я тебе отдам свою куклу... я больше никогда не буду тебя заставлять работать вместо себя... Никогда-никогда... Ну, вставай, Шурочка, открой глаза... ну, пожалуйста...

Вдруг Александра открывает глаза, улыбается во все свое личико, а потом выдает:

– Ха-ха-ха, обманули дурака на четыре кулака, а дурак послушал, три лепёшки скушал!

Маша как-то мгновенно вся скисла и обмякла – она поняла, что сестра ее жестоко провела. Это был довольно сильный удар для детского сознания, и первая реакция была на него – полное временное отсутствие как физических сил, так и духовных. Она сидела на коленях, ничего не предпринимая, лишь только шаря каким-то безумным взглядом по сторонам. За это время Саша, заливаясь от смеха, поднялась на ноги и вновь повторила:

– Ха-ха-ха, обманули дурака на четыре кулака, а дурак послушал, три лепешки скушал! – и опять принялась звонко хохотать.

Эта детская присказка, сказанная во второй раз, подействовала на Машу, будто какое-то заклинание, мгновенно выведя ее из ступора. Безумие из ее глаз улетучилось, освободив место для злости и досады.

– Ну, Шурка, ну, дрянь... Я тебя убью...

А Александра в это время уже улепетывала от старшей сестры что есть духу. Бегству сильно мешал распирающий ее смех, и она вынуждена была периодически останавливаться,

чтоб перевести дыхание. Маша довольно быстро догнала Сашу, и возмездие за жестокий обман было неотвратимо.

Когда она лупила Александру, то та, вместо плача, как это обычно бывало, неудержимо хохотала. И чем сильнее была ее Маша, тем сильнее смеялась Шура. Окончательно отбив об нее руки и уж больше не в силах лупить Сашу, Маша ничего более не нашла, как ругать ее последними словами, которые она знала. Ответом на эти ругательства был опять звонкий смех маленькой девочки Шуры. Уж более не зная, как еще наказать обманщицу, как утолить свою злость, старшая сестра в сердцах плюнула на нее и, резко развернувшись, пошла прочь. А Александра все продолжала смеяться и показывать пальцем на уходящую Машу...

Ей, конечно же, было больно, но это было ничто по сравнению с ее победой над старшей сестрой. Она все же отомстила ей за все ее тумачи, издевательства, за всю ту работу, которую она делала вместо нее. Этот план мести в детской головке не возник спонтанно, это результат бессонных ночей и непрекращающихся дум. Просто Александра не только мечтала, но и действовала, и это будет ее сущностью, в общем-то, всю жизнь. Несмотря на то, что она толком начала говорить только в пять лет, Саша была смышлёным ребенком. Она понимала, что физически пока ничего не может сделать Машке. Но вот так оставлять без ответа все ее издевательства Шура уж больше не могла, и она буквально выстрадала этот довольно хитроумный план.

Она знала, что у реки Машка обычно валяется под деревом, знала ее страх перед отцом, если вдруг что с ней случится. Знала о высокой круче и что за стадом коз ее почти незаметно. Совместив все эти составляющие, Саша придумала эту комбинацию. Когда старшая сестра улеглась, по своему обыкновению, то она, подойдя к краю обрыва, закричала что есть мочи. Потом Шура пустилась во весь дух к пологому склону. Быстро спустившись вниз, она по берегу опять вернулась к круче, легла на спину и раскинула ручки, притворившись мертвой. И все сработало.

Говорят, что детские обиды проходят, и повзрослевшие сестры или братья крепко дружат, несмотря на сильные склоки в детстве. Но не всегда так. Повзрослев, Александра все равно относилась к Марии довольно прохладно. Она часто звонила сестрам в Новосибирск, приезжала к ним в гости, но только не к Маше. Хотя при встрече она довольно дружелюбно общалась с ней, но все же детская обида где-то глубоко все еще жила в ее сердце.

Глава III

Сергей неплохо учился в школе и даже до четвертого класса был отличником. Но это не было результатом его какой-то прилежности, усидчивости, зубрежки. Это всего лишь были унаследованные от матери хорошая память и сообразительность. Ему было достаточно внимательно послушать на уроке учительницу, чтоб потом показывать неплохие результаты в учебе. А домашнее задание он всегда мог списать до начала уроков. Так что его портфель с книжками и тетрадками после возвращения из школы домой стабильно стоял нетронутый. И только утром Серега его открывал, по-быстрому менял учебники, согласно расписанию в дневнике, и, с чувством выполненного долга и невыполненных домашних заданий, шел в школу.

Возможно, Сергей был бы отличником до самого десятого класса, если б мать контролировала процесс учебы. Но ей было не до этого – с раннего утра до позднего вечера она была на работе. В ее понимании счастливое детство – это полный холодильник продуктов и чистенькая, хорошая одежда, чтоб не хуже, чем у других. Все то, чего она была лишена в далекой сибирской деревне Строгино, мать Сергея хотела дать своим сыновьям. Чтоб они никогда не знали, что такое нечего поесть дома, чтоб никогда не испытывали комплексов, связанных с их внешним видом. Поэтому они всегда были сыты и одеты, по тем меркам, в хорошую, вычищенную, выглаженную одежду.

«А учеба, – думала она, – так ведь они уже взрослые, сами должны понимать, что к чему. Что нынче без образования никуда. Меня вот никто не заставлял учиться, даже наоборот, мачеха все время попрекала, говорила, что я только зря юбку протираю в этой школе. Что я хожу туда только для того, чтоб мальчишкам глазки строить. Что от моих пятерок, которые я приношу, толку, как от козла молока. Уж лучше бы я пошла в прислуги или нянькой, все было б больше проку, хоть какая-то копеечка. Но несмотря на то, что мачеха меня пилила денно и ночью за мою учебу, я все же закончила семилетку. А у моих пацанов есть все условия – учись, не хочю. Да и из-под палки какая учеба? Они у меня сообразительные, все понимают, я им и высшее образование обеспечу, о котором мечтала в детстве. Раз у меня не получилось, то пусть хоть они толком выучатся...»

Но в отличие от матери, где ее после школы ждали козы да куча работы по дому, у Сергея под забором, на лавочке, сидели такие же мальчишки, готовые тут же играть в «ловита», «войнушки», «прятки»... А новый, только что купленный велосипед? А рыбалка? В общем, не до уроков было. Потом эти безобидные игры сменились картами в заброшенном ерике, сигаретами, вином и легкими наркотиками. Так что последние годы учебы Сергей уже и учителей не слушал на уроках, теперь его хорошая память вместе с сообразительностью ничем помочь не могли, и в его аттестате появились тройки.

Правда, две тройки – по русскому языку и литературе, его преследовали уже с пятого класса. И если честно, то эти тройки были все равно, что двойки. Просто потому, что Сергей хорошо учился по другим предметам, а в математике вообще чувствовал себя как рыба в воде, ему по русскому и литературе авансом ставили тройку. Ну не мог он писать без ошибок, хоть ты тресни. Да и читать он не любил всех этих Чеховых, Толстых, Некрасовых и прочую классическую братию, а потом еще нужно же было что-то сочинять про Печорина там или Раскольникова. Даже после окончания политехнического института его орфография оставляла, мягко говоря, желать лучшего, ну и о чем писали классики, он так и не узнал. Это тоже он унаследовал от своей матери – она всю жизнь писала с ошибками и не особо любила читать, но зато так же, как и Сергей, математические задачи шелкала, будто орешки.

* * *

– Отец, – так называла мачеха Михаила, – в избе дел невпроворот, а твоя засранка опять в школу улизнала. Я же ей говорила вчера вечером, чтоб сегодня дома осталась. И надо же,

вот только-только была на глазах, и уже нету. Дождется она у меня, все ее книжки сожгу в печи. Мало того, что она все норовит за стол со своими тетрадками усесться, так еще теперь от работы отлынивать стала. Была б она моей дочерью, я бы ей все космы-то повыдергала, я бы ее быстро отвадила от этой школы. Ну скажи мне, что проку от того, что она туда ходит? Вон Вовка с Клавою четырехлетку закончили и пошли, как все нормальные дети, работать. А Машка с Валькой, так вообще, по два класса. Я так разумею: писать, считать научился – и хорошо, и довольно, а все остальное, чему там учат, это блажь. Да и вообще, вся эта учеба с науками придумана от безделья. Я вон неграмотная, и что? Хуже других? Ты ж когда меня в жены брал, не спрашивал, грамотная я или нет? А смотрел на то, хорошая ли хозяйка. Вот чему нужно учиться девке, а не всяким там наукам.

– Я же просил тебя не называть Шурку засранкой, – несколько раздраженно ответил Михаил, выслушав эту тираду от Феклы.

– А как по-другому? Засранка и есть, коль от работы отлынивает. Вместо того, чтоб сегодня стирать белье, улизнула в свою школу. Что, разве не Засранка?

– Да ты ж ее все равно после школы заставишь стирать. А в избе кто убирает? Посуду да чугунок чистит? А лавки и полки кто моет? В вашем бабьем куту кто порядок наводит?

– Да если б я ее не тыкала носом, то она бы в грязи заросла. Такая же засранка, как и ее мать была.

– Опять ты за свое. Да ты же не знала Анну вообще. Как ты можешь о ней судить?

– Да мне достаточно было взглянуть на избу, чтоб понять, какая была прежняя хозяйка.

– Слушай, Феня. По мне, так все гораздо хуже стало, как ты пришла в дом.

– А, все сохнешь по своей бывшей жене? Думаешь, я не вижу? Засранка она была, и эта ее маленькая сучка тоже засранка.

– Замолчи! Пока я тебе рот твой поганый не закрыл. Сколько можно одно и тоже столько лет талдычить и поедом грызть моих детей? Вон они уже все сбежали из-за тебя. Клавка с Валькой в Новосибирск умотали, Вовка на целину, Машка в няньках уж второй год и носа домой не кажет. Только Шурка еще держится, и то, наверное, ради школы. Всех извела. Потерпи уж, будь любезна, младшую еще пару лет. Как только она закончит семилетку, так сразу уедет, не переживай. Пусть хоть одна в роду Костьевых грамотная будет.

– Кому она нужна, твоя грамотность? Эта школа из нее сделает бездельницу и засранку.

– Все! Хватит, я сказал! Хочешь того ты или нет, но Шурка выучится. Разговор закончен...

Да, в отличие от Сергея и его брата Ярослава, Александра буквально сражалась за знания со своею мачехой. Злая, неграмотная женщина и так не любила Сашу, и когда та после окончания четырехлетки изъявила желание продолжить учебу, то и вовсе стала ее ненавидеть. В ее ментальности учеба – это повод отлынуть от работы. Хотя по возвращении из школы, Саша все равно выполняла все наложенные на нее обязанности. Мачеха не собиралась что-то делать за нее, и поэтому на выполнение домашнего задания оставалось совсем мало времени.

Нужно было сделать уроки засветло, потому как Фекла запрещала вечером жечь свечи, как она выражалась «попусту». А за керосиновую лампу даже и речи не было. Но Бог наделил Александру недюжинным умом, и ей достаточно было полчаса, чтоб сделать все домашние задания. Только вот совсем не оставалось времени для чтения книг, и, быть может, поэтому в ее аттестате рядом с пятерками стояли тройки по русскому языку и литературе. Быть может потому, что она с детства толком не имела возможности читать, так и не приобрела любовь к художественной литературе. А может, это как-то генетически было заложено у нее, не знаю. Но зато остальные предметы были для нее, как семечки, а особенно она обожала математику.

Но запретом на свечи мачеха не ограничилась: пару лет назад она купила на стол клеёнку – вещь по тем временам шикарную для бедных крестьянских семей. Фекла очень дорожила ей, но тем не менее не убирала ее, как это часто делали в других семьях, когда этой «роскошью»

во время какого-нибудь праздника покрывали стол, а после убирали далеко в сундук. Эта скатерть придавала убогости внутреннего убранства избы хоть какой-то вид, хоть какой-то признак достатка. И, в конце концов, только эта клеенка немного радовала глаз мачехи, немного касалась ее ожесточённого сердца. Поэтому она ни в какую не хотела снимать ее со стола.

При этом Фекла требовала очень бережного отношения к этому куску пластика: на клеенку разрешалось ставить только тарелки, ложки и стаканы. Ни в коем случае чугушки, ножи и чайник. Естественно, готовить пищу на ней строго возбранялось. Только лично сама мачеха протирала ее после каждой трапезы. И если, на взгляд Феклы, Александра сильно ерзала по ней руками во время обеда, то немедленно слышался негромкий, но злобный окрик:

– Шурка! А ну перестать своими граблями по скатерти елозить, – а если рядом не было отца, то:

– Засранка! А ну встала со стола, взяла свою тарелку, и жри теперь на табуретке, раз не умеешь свои цапалки при себе держать.

Но Саша не только часто кушала на табуретке – все свои домашние задания она делала тоже на этом нехитром предмете христианского быта, потому как к запретам, относящимся к клеенке было строгое табу на выполнение уроков на ней.

Тем не менее, Александра хотела учиться, и, скорей всего не потому, что ей легко давалась учеба, а потому, что она хоть и была еще ребенком, но как-то внутренне понимала – это ее шанс. Шанс вырваться из этого захолустья; из этой почерневшей и покосившейся избы; из этого темного, забитого непосильным трудом, невежеством и беспробудным пьянством крестьянского сообщества. Шанс избавиться от этой злой женщины, обижающей ее почти ежедневно. И, наконец, забыть раз и навсегда это постоянное чувство голода...

Если вы думаете, что мачеха била Александру, то вы ошибаетесь. Она ни разу не подняла на нее руку, впрочем, и отец тоже. Но, наверное, уж лучше бы она ее била, потому как моральные страдания порою хуже физических. В этом смысле мачеха была профи и при любом удобном случае унижала Александру, называя ее не только засранкой – это было ее официальным именем, когда дома не было отца, но и уродкой, образиной, глупой, никчемной и этот список, как вы понимаете, очень длинный. А когда ей исполнилось двенадцать лет, и ее детское тело начало формироваться в женское – блядью и шлюхаю. Она всячески старалась показать и доказать Саше, что она ничтожество, козьявка, которая живет на этой земле лишь только благодаря ее «доброте».

Тут нужно принять во внимание тот факт, что старшие, а тем более родители, в те времена почитались, и слово отца или матери было законом. Перечить им, конечно же, было за гранью. Поэтому все эти бесконечные унижения мачехи Александра очень болезненно переносила, и она давно сбежала бы из дома, как Маша, но ей нужно было во что бы то ни стало закончить семилетку.

Трудно представить, что творилось в душе девочки-подростка: известно, что физическая боль имеет ограничения – наш организм устроен так, что когда она зашкаливает, то человек теряет сознание от болевого шока. Но боль душевная не имеет дна, она может быть бесконечной. И если наши физические раны со временем заживают, оставив лишь шрамы на теле, то очень часто разбитое, раздавленное сердце надсадно ноет всю оставшуюся жизнь...

– Мама! А я получила пятерку по русскому! – искренне радуясь своей маленькой победе, прокричала Саша, как только вошла в избу. Для нее получить «пятак» по математике, физике или там географии, не составляла никакого труда, а вот по русскому или литературе – это, действительно, успех.

Несмотря на то, что Александра знала, что мачеха относилась к ней, как к какому-нибудь давно надоевшему, не дающему покоя ни днем ни ночью, насекомому, она называла ее «мамой». Как вы понимаете, что и сама Саша кроме ненависти, которая порой просто разрывала ее маленькое сердечко, не испытывала никаких чувств к Фекле. Но тем не менее, она

не могла послушаться своего отца, который сказал всем своим детям называть Феклу «мамой». Ей конечно было проще сказать на чужую тетку «мама», т.к. та пришла в их дом, когда Саша была совсем еще малышкой и говорить-то еще совсем не умела. Маша уже соображала, что вновь появившаяся женщина будет ей новой мамой, но все равно, довольно легко выполнила приказ папы. А вот Клаве, Вале и Владимиру, было сложнее, потому как они были подростки, но никто не послушался отца.

Когда у Александры будут уже свои дети – Сергей и Ярослав, то в тех скупых воспоминаниях о своем тяжелом, голодном прошлом, которыми она с ними делилась, Фекла всегда в ее устах была только – «мачеха». Даже имя мачехи Сергей узнал только после смерти мамы, когда расспрашивал о ее детстве у старшей сестры – Валентины.

И несмотря на все это, наивная радость подростка, которой нужно было срочно с кем-то поделиться, вырвалась из уст Саши этими искренними возгласами. Но не в добрый час она захотела поделиться своей радостью с мачехой. После разговора с ее отцом настроение у Феклы было не очень.

– Пойди подотри своей пятеркой жопу, – даже не взглянув на Александру, ответила мачеха, которая в это время возилась возле печи. – Вот радости-то – полные штаны, пятерку она получила. Что мне прикажешь с нею делать? В щи добавить вместо мяса? Или вместо сушеной моркови в чайник ее бросить? Я же тебе с вечера сказала, чтоб в школу сегодня не ходила, а ты что, паскудница, учудила?

– Но у нас сегодня контрольная была...

– Не перебивай меня, засранка! Ишь, взяла моду перечить. Ты посмотри на себя, чучело. Какая такая еще контрольная? Что ты мне зубы заговариваешь. Небось мальчишкам бегала глаза свои бесстыжие строить, шалава. Давай, быстро схватила белье и бегом в баню стирать.

Пока мачеха говорила, от радости в сердце Александры и следа не осталось, лишь какая-то тупая боль сейчас сжимала его, да желание заплакать стало комом в горле. Это заметила Фекла, и тут же сменив злой тон на радостный, продолжила:

– Ааа, обидели девочку. Ну давай, зареви... Только и можешь, что голосить, да в школу свою проклятую бегать, засранка. Ты такая же засранка, как твоя мать была.

– Не трогайте мою мамууууу, – ответила Саша, села на лавку, и уж более не в силах сопротивляться желанию плакать, зарыдала, закрыв свое, в общем-то, совсем детское личико ладошками.

– Маамаааа, мамочкаааа, где же ты? Мне так плохо без тебяяяя, – плакала Саша, растирая слезы по лицу. – Я совсем одна осталааась. Валька уехалаааа в город, бросила меняяяя однууууу здесь... Мамочкаааа ну где же тыыыыы, я больше не могууууу...

– Можешь, – прозвучало у самого уха Александры. Она отняла ладони от лица и сквозь слезы увидела силуэт мачехи. За это время, пока Саша плакала, та притащила корзину с бельем и поставила рядом с ней.

– Хватить выть, мама, мама... Давай, бери корзину и вперед – в баню. Горячую воду возьмешь здесь, на печи два ведра стоят. Баня нетопленая, сама виновата, пробежала по своим школам. Я за тебя топить ее не собираюсь. Все, давай, иди, – и, считая разговор оконченным, мачеха вновь принялась возиться возле печи. Продолжая плакать, Саша взяла свою ношу и пошла к выходу. Она так и не успела раздеться, не говоря уже о том, чтобы съесть хоть краюху хлеба...

Периодически всхлипывая, Александра побрела в баню, которая стояла метрах в двадцати от сруба. Она такая же была черная и покосившаяся, как и он, только в уменьшенном виде, но, в отличие от дома, где стены отдавали теплом и уютом, внутри ее был холод и все искрилось от инея. Баня была не топлена уже несколько дней и совершенно остыла. Саша открыла дверь и подумала: «Пока натоплю, пока постираю, свечереет, уроки некогда будет

делать. Лучше я по-быстрому выполню домашнее задание, а потом постираю без всякой топки. Надо будет незаметно из избы взять портфель».

Когда она вернулась в дом за горячей водой, мачеха была в своем бабьем куту, и Саша без труда вместе с ведром прихватила потертый, давно отслуживший портфель, который ей достался от старших сестер. Вернувшись в баню, она поставила парящее ведро на полок, накрыла его тазиком, чтоб не так быстро остыло, и тут же принялась делать уроки.

Александра не впервой делала так домашнее задание. Часто, когда мачеха была без настроения, чтоб лишний раз не раздражать ее, Саша тайком брала свой портфель и бежала в баню. Летом, весной и осенью еще ничего писать в тетрадах на сырых, пахнущих дымом, дубом и березой полоках, только вот света уж очень мало, слишком маленькое это окошко в помывочной. А вот зимой, конечно, похуже – сильно зябнущие руки совсем не слушались, да и чернила в сильные морозы застывали на кончике пера, и постоянно приходилось отогревать их своим дыханием. Для деревни Строгино в конце января мороз в двадцать градусов считался оттепелью, так что Саше повезло в этом смысле, и в этот раз ей не пришлось постоянно дышать на кончик пера, что существенно ускорило выполнение домашнего задания. Закончив делать уроки и убрав портфель в сторону, Александра сняла тазик с ведра и пощупала воду – она была уже чуть теплая.

«Вот блин, как быстро остыла», – подумала она и тут же, сняв ведро с полока, вылила в деревянное корыто. Достав часть белья из корзины, она положила его в корыто и побежала в дом еще за одним ведром с горячей водой. Вылитое второе ведро немного повысило градус в лохани, и, достав из него отцовское нательное белье, она слегка отжала его и положила на полок. Тут же Саша принялась натирать его хозяйственным мылом. Натерев, немного скомкала его, взяла валька, и принялась что есть мочи лупить им отцовские портки...

Вообще-то, стирать в бане считалось большим грехом. К тому же, отец Александры был очень набожным человеком, в отличие от мачехи. Та не верила ни в кого – ни в Бога, ни в черта, только в деньги, хотя их у нее отродясь не было. И уже через год, как пришла в дом Костьевых Фекла, стирать по ее решению стали в бане. Отец вначале сильно противился этому, но мачеха была непреклонна, и он уступил. Вначале стирали старшие сестры, потом Маша, и сейчас эта обязанность легла на плечи Саши.

В те времена стирка была одним из самых тяжелых видов ручного труда, отнимающая не только уйму физических сил и времени, но и здоровье. И та гора грязного белья, которое всучила мачеха двенадцатилетней Александре, предполагала, что она с ним провозится до позднего вечера.

Так и вышло, Саша уже не чувствовала уставших рук, когда колотила последнее белье. Она не замечала холода, хотя была уже только в тоненькой кофточке, которая к тому же еще сильно намочена. Валек уже иногда прилипал к белью, т.к. в корыте вода совсем остыла, и мыльный раствор, которым были пропитаны вещи, стал вязким. Но еще нужно было убраться в бане после стирки: помыть чистой водой полоки, корыто и подмести... Руки нестерпимо ломило после того, как Александра, принеся ведро с водой из дома, стала мыть им баню – окоченевшие пальцы, которые она не чувствовала, при соприкосновении с горячей водой просто выворачивало.

Уже начинало смеркаться, когда Александра, накинув платок и одев фуфаячку, с мокрым бельем в корзине вышла на улицу. Теперь ей предстояло идти немногим более километра на речку Вяльчиху, чтоб пополоскать белье. Взгромоздив тяжеленую корзину на санки, она взялась за веревку, привязанную к ним, наклонила свой корпус вперед и пошла, что-то негромко напевая. Только скрип снега да тихая, заунывная песня в начинающихся сгущаться сумерках выдавали идущей к реке, еще немного нескладной девочки- подростка, мечтающей однажды вырваться из этого ада.

Когда Саша подошла к воде, то уже было совершенно темно, лишь яркий месяц да звезды освещали бескрайние сибирские снега, посреди которых, возле чернеющей тайги, блестела полынья. В этом месте тихая речушка почему-то никогда не замерзала, даже в самые лютые морозы. Яркий месяц не только освещал Александре окружающий мир, но он еще и существенно понизил температуру, показав на термометре, что прибит на здании управления колхоза, минус тридцать.

...Руки совершенно не слушались, они просто были как деревянные, и Саша ими не только не могла выжимать выполосканное белье, но и держать его у неё толком не получалось. Каждый раз, когда Шура опускала его воду, то у нее от страха замирало сердце, что вот сейчас руки ее не послушаются, пальцы разогнутся, и драгоценные отцовские портки медленно уйдут под лед.

Вначале, когда руки нестерпимо ныли от ледяной воды, она еще могла ими управлять. Но потом эта нестерпимая боль прошла, и вместе с нею Александра перестала чувствовать вначале пальцы, а потом и руки. Когда у нее чуть-чуть не уплыло под лед мачехино платье, Саша вновь взмолилась:

– Мама! Мамочка моя родненькая! Сделай так, чтоб руки мои меня слушались. Мне очень надо дополоскать белье. Мачеха меня со свету сживет, если я этого не сделаю. Ну, пожалуйста. Ведь ты всегда меня выручаешь, мамочка моя родненькая. Ну сделай так, чтоб мои пальцы шевелились...

Хоть эта молитва и не была обращена к Богу, но посреди бескрайних сибирских снегов и тайги, в трескучий мороз, Он все же услышал этот крик души девочки-подростка, наполненный болью и отчаяньем. И через пару минут к Александре вернулась способность шевелить пальцами, боль и одеревенение ушли... и она тут же принялась полоскать дальше...

Несмотря на то, что отец Саши был глубоко верующим человеком, она была атеистка. И дело даже не в том, что в тогдашней школе, которую она так любила, говорили, что Бога нет. Ее детский разум никак не мог понять, почему в мире такая несправедливость? Ведь если бы был Боженька, то Он этого бы не допустил... Почему, к примеру, ее маму вместе с ее младшим братом убила молния? Почему ее отец, в общем-то, хороший человек, привел в дом эту ведьму? Почему он так любит и чтит Бога, а сам весь такой больной, хотя еще совсем не старый человек? Почему Валька не взяла ее с собой в город? И этих почему были тысячи в головке девочки.

Но маленькому, беззащитному человечку в атом аду на земле кто-то был нужен. Кто его всегда выслушает, всегда поймет, всегда утешит и ободрит. Кто всегда встанет на его защиту. Нужен был тот уголок покоя и мира, где он мог бы всегда укрыться. И этим уголком, еще с раннего детства, как только Александра начала говорить, была ее погибшая мама, которая стала для нее неким Богом.

Примерно через пару часов с тех пор, как Саша ушла полоскать белье, возле черного, покосившегося сруба на окраине деревни Строгино вновь послышался скрип снега, и еще совсем детский голос тихо и заунывно пел:

«Из-за леса, леса темного,

Из-за садика зеленого

Собиралась тучка грозная

Со снегами со сыпучими,

Со морозами трескучими.

Грозно туча ворочалась,

Дочка к матке собиралась.

Пособравшись, дочь поехала,

Поехала, не доехала...»

...Саша все так же шла, нагнувшись вперед, волоча за собой санки, на которых стояла корзина с бельем. Старый, весь побитый молью шерстяной платок, доставшийся ей от Клавки, совсем сбился у нее на бок, обнаружив на аккуратной подростковой головке темно-русые кудрявые волосы. Фуфаечка тоже была расстегнута, несмотря на все усиливающийся мороз. На ее личике не осталось и следа от душевных и физических мук – оно было умиротворено и полно решимости. Александра остановилась возле самого дома, внимательно посмотрела на черные линии веревок, подсвечиваемых все тем же молодым месяцем – ей еще предстояло развешивать белье.

Глава IV

В общем-то, у Сергея не было выбора, когда он поехал поступать в электронно-технический институт города Новосибирска. Не в смысле того, что не существовало других альтернатив, наоборот, в те времена – хоть пруд пруди, а в смысле того, что в этом институте учился его брат, а в городе жили три тетки да куча двоюродных братьев и сестер. И будущая профессия тоже не была выстрадана бессонными ночами, хотя самолетостроительный факультет, на который он поступил, косвенно все же касался его детской мечты – быть военным летчиком. И все же это поступление в институт было спонтанным, потому как Сергей и понятия не имел, кем он хочет стать после окончания школы. Почему так? Ведь все-таки в детстве он мечтал летать на военных самолетах.

Скорее всего, свою роль в этом сыграла обратная сторона полученных им медалек под названием: «За обеспеченную и беззаботную жизнь» и «Уличные университеты». Безусловно, первую Серега получил благодаря своей маме: все свое детство и юность он с братом ни в чем не нуждался несмотря на то, что она многие годы тянула их обоих одна. У них всегда на столе была хорошая еда и хорошая импортная одежда, которая была доступна в те времена далеко не всем по причине товарного дефицита. Но для этого матери приходилось пахать, как ломовой лошади, и она практически не бывала дома.

Отсутствие контроля с её стороны, в свою очередь, дало право улице заняться «воспитанием» вполне себе сформировавшегося оболтуса. В курс ее лекций не входили вопросы: «Кем ты хочешь стать, когда закончишь школу?», или «Как ты собираешься дальше существовать и на какие средства?», или «Куда пойдешь учиться дальше?»... Кстати, эти вопросы не задавала и обеспеченная, сытая жизнь. Но зато улица научила: «Где и как достать домашнего винца или самогона? Как смотаться со школы с уроков? У кого раздобыть планчика и с кем сегодня резаться в секу?»

После курса таких «лекций» Сергей и понятия не имел, чем ему заняться или куда пойти учиться? За него решила этот, в общем-то очень важный, вопрос его мать, которая мечтала дать своим детям высшее образование. И поэтому – Новосибирск, где жили ее сестры, и поэтому – НЭТИ, в котором учился его старший брат.

Естественно, Сергей сильно отстал в общеобразовательной программе, потому как последние два года вообще толком не учился. В те времена с коррупцией в образовании было жёстко, и абитуриенты понятия не имели, что можно как-то за деньги купить вступительные экзамены. Поэтому мать наняла репетитора, который за месяц натаскал Серегу так, что он смог поступить в НЭТИ при конкурсе четыре человека на место. Естественно, дальнейшая учеба в институте у него не пошла, потому как уже все задания были индивидуальны, и уже за тебя никто не сдаст твою лабораторную работу или зачет. В итоге, его отчислили из института после первого семестра...

В отличие от Сергея, его мама шла к своей мечте шаг за шагом, лишь только стала толком осознавать окружающий ее мир. Эта мечта не была так романтична, как у него, и ей не грезились какие-нибудь театральные училища или там балетные труппы. Ее мечта была вполне приземлена и вполне банальна.

Если Сергей на алтарь своей мечты не положил ровным счетом ничего, ну, кроме каких-то грез, и она, естественно, растворилась где-то при очередной раздаче в секу, то на алтарь своей мечты его мать положила не меньше, чем, к примеру, олимпийский чемпион, который истязал в течение многих лет свое тело тяжелыми тренировками. Только вот эти страдания не столько были физическими, хотя не без этого, сколько душевными. Она, в отличие от ее старшей сестры Марии не сбегала от мачехи в няньки, которая закончила только два класса общеобразовательной школы. Она стойчески продолжила свою учебу несмотря на то, что почти вся

работа по дому была взвалена на ее плечи, несмотря на ежедневные попреки, оскорбления и унижения безграмотной, озлобленной беспросветной нищетой женщины.

И если Сергей в своей мечте был движим юношеской романтикой, то её к своей заветной цели толкало ежедневное чувство голода и обиды. Эта цель была – уехать в Новосибирск к своей сестре Вале и поступить в кулинарное училище. Чтоб навсегда забыть это мучительное подсасывание в районе живота, не дающее покоя ни днем, ни ночью, чтоб уж никогда более не видеть и не слышать эту злую, сварливую женщину.

* * *

– Ну что, дочь... Я свою родительскую обязанность исполнил, – сказал Михаил, сидя за столом, на котором уже не было той пресловутой клеёнки, из-за которой Саша все последние годы делала уроки на табуретке, стоя на коленях. – Я тебя поставил на ноги, дал образование, пора и честь знать. Хватит сидеть на горбу у престарелого родителя. Завтра Иван едет в район на подводе, поедешь с ним. Там он отведет тебя к Виктору, который вечером на полutorке поедет в Новосибирск. Помнишь дядю Витю?

– Помню, – совсем негромко ответила Александра, еще не веря, что это происходит на самом деле.

– Так вот. Дядя Витя отвезет тебя к Вале. Он мне обещал разыскать ее в городе. Пока не поступила в училище, поживешь у нее... Валька-то молодец, с мужем уже имеют цельную свою комнату в коммуналке. Кто бы мог подумать, что она так быстро выбьется в люди. Муж не абы кто, а слесарь на заводе, да к тому же бывший моряк. Правда, как я слышал, любит горькую. Да кто ж ее не любит? Ничего, молодо – зелено... главное, что мужик работающий. Правда, опять же, слышал жадноват... так оно и к лучшему, не протрындит заработанные, кровные. А Валька молодец, сейчас устроилась продавцом. Молоко, значит, там продает... да и Клава с Володькой тоже хорошо зацепились в городе, тоже не посрамили отца... Правда, Машка все еще в няньках в Сидоровке, но ничего, это тоже дело... Так что ты меня, Шурка, не подведи. Ты одна из Костьевых образованная, и, как я понимаю, аттестат у тебя справный. Так вот тебе мое родительское благословение, – и он, встав с лавки, направился в угол избы, где висела икона.

После этих слов Александра упала на колени, опустив голову. Отец, сняв икону, подошел к ней и трижды совершил крестное знамение ликом, смотревшим сквозь мутное стекло на еще совсем девочку строгим, холодным взглядом. Далее, подставив икону для поцелуя Саше, дрогнувшим голосом произнес:

– Благословляю тебя, дочь! С Богом!

Поцеловав икону, Александра, сама не помня себя от радости, вскочила на ноги и бросилась собираться в дорогу. Мысли путались, сердце в груди стучало отбойным молотком, ноги перестали чувствовать вес тела, и весь мир вокруг был в каком-то сладком тумане. Словно во сне, она собрала свой узелок, где был комплект сменной одежды, немного картохи, краюха хлеба да кусочек сала. (То ли от радости, что ненавистная падчерица наконец-то уезжает, то ли каменное сердце мачехи напоследок дрогнуло, она выделила из запасов небольшой пожелтевший от старости кусочек сала.) В этот узелок вместились ее любимая книжка: «Занимательная арифметика», подаренная ей учительницей по математике, фотография всего семейства Костьевых, где была изображена ее мама, а самой Саши еще и в помине не было, и ее гордость, ее надежда – аттестат, в котором кроме круглых пятерок красовались две тройки: по русскому языку и литературе. Ни в этом узелке, ни на самой Александре, по-прежнему не было трусиков... ей было четырнадцать лет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.